

Это было давно, в другой жизни, в маленьком среднеазиатском городке — с белыми домами, пыльными деревьями, бесконечными полями хлопка, окружавшими город со всех сторон...

Летом городок плавился от солнца, стонал, беспокойно ворочался от духоты ночами. Чтобы уснуть, поливали водой полы, а чаще устраивались во дворах: даже в больших домах, двух- и трехэтажных, чуть не каждый строил себе во дворе сарайчик, и ночные сны протекали при серебряном лунном свете под тонкое, как звон монист, журчание арыков. В особенно жаркие дни город вымирал. Все, кто мог, прятались по домам, уезжали в горы — невдалеке начинались отроги Тянь-Шаня, или целыми днями пропадали на Зеленом мосту у желтого, мутного сая. Зато улицы, особенно в Старом городе, с глинобитными домиками без окон, и высокими, выше человеческого роста, дувалами становились совершенно пустыми. Лишь изредка по пыльным избитым мостовым медленно проходили ишаки, запряженные в двухколесные арбы с возницами в тюбетейках и стеганых халатах. И только базары и чайханы, расположившиеся в тени чинар, выглядели маленькими оазисами в раскаленном мареве.

В такие дни Старый город, этот последний раскаленный островок Востока, напоминал фантастический лунный пейзаж, испещренный кратерами узеньких улочек. Посередине островка возвышалась громада бывшей мечети. В мечети давно жили люди, с минаретов в любую погоду свисали простыни и детское белье, придавая ей вид дешевой киношной декорации.

К вечеру, когда жара слегка спадала, город оживал, на улицах появлялись люди. Старый город оглашался детским многоголосьем, из парков и от автостанции тянуло ароматными дымками шашлыков, зазывно покрикивали торговцы чебуреками и восточными сладостями; вспыхивали огни, стайки подростков, лузгая семечки, собирались у кинотеатров, в парке начинало крутиться колесо обозрения, откуда, как на ладони, словно сошедший с картин Сарьяна, был виден почти весь город, этот экзотический, многоязычный, грязноватый симбиоз России и Востока.

Но оживление обычно бывало недолгим: ночи на юге наступают рано, и город, уставший от дневного зноя, едва расправив легкие, торопился отойти к короткому освежающему сну.

К сентябрю ртутный столбик снижался градусам к тридцати. Начиналась пора свадеб, по утрам и вечерам протяжно дудели карнаи, пышно праздновали тои, базары ломились от изобилия – бесконечные ряды дынь, арбузов, гранатов и винограда, здесь же горы резаной моркови, лука, риса для плова, огромные тыквы, варятся лагман и манты, девчонки в тюбетейках с множеством косичек продают только что выпеченные домашние лепешки. Кажется, все только продают и почти никто не покупает.

Открывались и ковровые ярмарки, заполнявшие целые кварталы. Вместе с коврами торговали всякой всячиной. Особенно выделялись ряды с тюбетейками, ножами с инкрустированными ручками, и цветистыми восточными шелками. Люди, казалось, спешили насладиться короткой передышкой между летним зноем и хлопковой страдой, когда город снова станет почти необитаемым.

Обычно в начале сентября на месяц-полтора в городок приезжал цирк. Он раскидывал шатер в единственном парке, и сразу вокруг начиналось столпотворение: приезжали целыми семьями из близлежащих кишлаков, приходили торговцы после ярмарок и базаров, валом валили школьники, горожане, привозили даже на автобусах ребят из соседних городков, – цирк был единственным доступным зрелищем, если не считать футбол.

Мы в школе узнавали о прибытии цирка раньше всех. Еще за несколько дней до афиш в нашем классе появлялись два брата-близнеца Петя и Жора, кочевавшие с родителями вместе с цирком. Братья обычно держались особняком, чуть ли не каждый день сбегали с уроков и ничего не смыслили в математике и физике, так что наша учительница Евгения Петровна вскоре начинала хвататься за сердце и пить на уроках валокордин. Но зато на переменах, а иной раз и на уроках Жора с Петей демонстрировали удивительные фокусы: выплевывали из пустого рта шарики, вытаскивали носовые платочки из ушей, втирали чужие монеты в рукава, доставали неизвестно откуда у доски шпатель, или с помощью зеркала списывали контрольные. Впрочем, фокус со списыванием удавался им не вполне: больше троек они никогда не получали.

В десятом классе вместе с Петей и Жорой появилась и Таня. Ее родители были известными воздушными акробатами, и Таня уже несколько лет выступала с ними в совместном аттракционе. Меня Таня поразила с первого взгляда. У нее была прелестная фигура, изящная и гибкая, как у змейки, божественная походка, – когда она шла, все мужчины, забыв о собственных женах, не отрываясь смотрели ей вслед, и даже женщины восхищались и охали, – темные густые волосы, белая кожа, но самое главное – глаза. Глаза были большие, с легкой раскосинкой, какого-то необыкновенного зеленоватого оттенка, ласковые, и вместе с тем печальные. И еще, помню, у Тани были необычайно густые и длинные ресницы. Словом, я влюбился с первого взгляда той необыкновенно чистой и робкой юношеской любовью, которая потом очень редко повторяется и в которой я боялся признаться даже самому себе. На взаимность я не рассчитывал. Я это слишком хорошо понимал. Так что даже не любовь у меня была, а лишь мечта. Прекрасная, чистая, несбыточная мечта. Ведь, в самом деле, не мог же я, обыкновенный стихоплет, высокий и нескладный, висевший на кольцах, как мешок, и так и не научившийся перепрыгивать через коня, всерьез мечтать о ней, бесстрашной, грациозной и блистающей.

Мысленно я теперь все время разговаривал с Таней. Воображал, как мы идем рядом, держась за руки, и говорим о самом сокровенном... Или мечтаем вместе о будущем... Никогда еще я не разговаривал так, как с Таней...

Но – только мысленно воображал я этот разговор, потому что в жизни, просидев рядом с Таней целый почти месяц, я, наверное, не сказал с ней и нескольких десятков слов. Я все время пытался придумать какие-то

необыкновенные, несуществующие слова и не умел разговаривать с Таней на обыкновенном человеческом языке. Только подолгу украдкой поглядывал на нее, и бывал несказанно счастлив, если Таня просила у меня учебник или тетрадку, чтобы списать урок.

Моя влюбленность, хоть я о ней никому не сказал ни слова, конечно, очень скоро перестала быть тайной. Девочки, естественно, завидовали Тане – они вообще не любили ее, – но это я понял лишь много лет спустя, а тогда я просто страдал из-за разных глупых разговоров. К тому же иногда мне казалось, что они нарочно смеются надо мной...

Как-то на перемене мой приятель Вова Кутепов отозвал меня в сторону, чтобы сообщить расправшую его новость,

– У Татьяны, оказывается, есть жених. Джигит из конной группы. Петька говорит, он может раздавить тебя одним пальцем.

– А Таня?

– Она его боится...

Моя любовь стала еще безнадежней.

Скорее всего, спасаясь от своей безнадежной любви, я и согласился пойти с Вовой в парк на танцы – ему не хотелось идти одному; на танцплощадке я был всего один или два раза. У меня много времени уходило на уроки, да и чувствовал я себя на танцах неуютно. Там была своя, мало знакомая мне жизнь – со своими королями и принцессами, своей субординацией, жестокими драками – один на один и кодла на кодлу, на кулаках и с солдатскими ремнями; с прыщавыми щеголями в брюках-дудочках, дешевой любовью, надеждами на замужество и, наверное, одиночеством...

К тому же я плохо танцевал. Фокстрот или танго – еще куда ни шло, топчись себе в тесноте почти на одном месте, но вот когда играли чарльстон или вальс, тут я пропадал, потому что совсем не чувствовал музыку. Впрочем, пропадал героически, «пропадал, но прикрывал грудью товарища», как сказал обо мне кто-то из ребят.

В тот день, как и раньше, эта чужая жизнь текла мимо, совсем не трогая меня, только мне было еще тошнее, чем обычно – и от сладковатой музыки с навязчивыми завываниями саксофонов, и от улыбающихся, ожидающих или притворно безразличных женских лиц, и от своей партнерши, полногрудой, с вставными золотыми зубами, в безвкусном обтягивающем платье, и от позорно разомлевшего в женских объятиях Вовы, и даже от мыслей о том, кто победит сегодня – Бодман или Жела. Я с трудом дождался перерыва и, не попрощавшись с приятелем, потихоньку выскользнул с танцплощадки. Госка, еще более жестокая,

чем та, что привела меня сюда, гнала меня теперь прочь. Мне хотелось уединения, я обходил многолюдные аллеи, потом, помню, довольно долго сидел у пруда. Вокруг всюду целовались и обнимались парочки; всюду слышались шепоты; остывая, стонала земля, стонали деревья от легкого ветерка, стонал от любви оркестр на танцплощадке, ему вторил другой – в цирке, тянулись дымки из уличной шашлычной, где-то за оградой кричал пьяный. Парк казался огромным, шевелящимся, чувственным чудовищем...

Тоска томила меня, но странно, не было сил уйти; парк, словно магнитом, притягивал меня к себе; неясное ожидание и щемящая грусть водили меня по полутемным аллеям. Я бездумно бродил, не выбирая дорогу, пока не оказался у колеса обозрения.

Все аттракционы уже давно закрылись, только полупустое колесо обозрения – в его люльках сидели, обнявшись, три или четыре парочки, – продолжало вращаться в темноте. Парочки улетали в темноту, навстречу звездам, исчезали в невидимых верхушках деревьев. Мне тоже неудержимо захотелось покататься. Я направился к кассе и вдруг в нескольких шагах от себя увидел Таню. Она одиноко стояла, прислонившись к дереву и не видела меня...

Меня сковал страх. Ноги сразу стали ватными, сердце заколотилось, и все слова, что еще минуту назад я придумывал, чтобы сказать Тане, вдруг сразу выскочили из головы. Я бы, наверное, так и не решился подойти к ней, но еще больше я боялся показаться себе трусом, а потому скованной, деревянной походкой двинулся к Тане.

– Добрый вечер, – я не узнал свой голос. Он был совсем чужой, охрипший.

Таня, не заметив мое волнение (или только сделала вид?) радостно улыбнулась, и от этой улыбки, как утренний туман от первых солнечных лучей, рассеялся мой страх.

Я купил два билета на колесо обозрения. Мы сели рядом, застегнули ремни. Механик включил мотор и наше кресло медленно поплыло в темноту.

– Как хорошо! Правда хорошо? – радостно воскликнула Таня и схватила меня за руку. Кажется, это был единственный раз, когда я услышал ее смех.

– Ты сегодня не выступаешь? – спросил я.

Смех оборвался, что-то больно кольнуло меня в сердце.

– Не надо сейчас об этом, ладно?

– Хорошо, не надо.

Я обнял Таню за плечи.

– Тебе не холодно?

– Нет.

Таня не отстранялась. Она, казалось, не чувствовала мое прикосновение. Скрытые от всех темнотой, мы сидели рядом, плыли в ночи и глядели на россыпи огней внизу. Старая мечеть вдали, неровно освещенная, представлялась нам ветряной мельницей, город – целым сонмом заснувших призраков. Откуда-то из темноты доносились слабый запах увядающих цветов и музыка, будто далекий морской прилив. Волны то накатывались на берег, то разбивались о камни... – Ты когда-нибудь была на море?

– Нет. Я была только в Москве, и то всего несколько дней. Я всю жизнь кочую по маленьким городкам...

Танин голос был печален. Мне хотелось сказать ей что-нибудь приятное, но что? Я молчал...

Колесо завершило круг. Я снова купил два билета. В последний раз, потому что было уже поздно и аттракцион закрывался.

Мы опять поплыли навстречу звездам. На сей раз я успел рассказать Тане про лебединую верность – эту историю-быль рассказывали в Сочи, в дендрарии, и теперь воспоминание о лебеде, кинувшемся, сложив крылья, с высоты на землю, когда умерла его подруга, было связано для меня с морем.

Таня ничего не отвечала, только зябко повела плечами и грустно посмотрела на меня.

Колесо остановилось. Мы вышли. Мы были одни.

– Давай погуляем, – предложил я.

– Только уйдем подальше. Меня будет искать Альберт.

Мы свернули в самую темную аллею, что вела к пруду, поросшему тиной. Летом здесь катались ребята на лодках. Но был сентябрь, сезон закончился, и лодки, словно выброшенные на берег гигантские доисторические рыбы, темными глыбами лежали у воды. Мы с Таней бросали в воду камешки, слушали всплески воды, любовались звездной рябью, и нам казалось, что мы видим, как по воде бегут круги.

– Послезавтра я уезжаю, – сказала Таня.

Я вдруг подумал об Альберте. Он ведь поедет вместе с Таней. Он будет всегда рядом. Тане никуда от него не убежать...

Я взял ее за руку, и мы долго сидели, обнявшись, на перевернутой лодке. Кругом было тихо. Оркестр в парке давно уже смолк. Время перевалило за полночь.

– Идем, пора, – Таня поднялась и отряхнула платье.
– Мы еще увидимся? – глупо спросил я. – Может, ты напишешь?
– Если хочешь, приходи завтра в цирк. Я буду выступать.
Я снова обнял ее за плечи и хотел поцеловать. Таня отвернулась. Мое лицо погрузилось в ее волосы. Они пахли фиалками, речной свежестью.
– Не надо, – неуверенно сказала Таня.
– Ты мне очень нравишься.
– И ты мне тоже.
Я услышал, как она вздохнула.
– Таня...
Таня нежно охватила руками мое лицо, потом коснулась губами моих губ. Ее губы были холодные, два чистых ледяных кристалла...
– Я представлял это совсем иначе...
– Так оно и есть.
Таня прижалась ко мне, я обнял ее за плечи, нашел губами ее губы...
Потом она выскользнула из моих объятий.
– А теперь пора идти.
– Подожди еще хоть немного.
– Нет, пора.
Таня была старшей, рядом с ней я чувствовал себя мальчиком и потому подчинился. Я проводил ее совсем немного, потом она ласково пожала мою руку и, прежде чем я успел опомниться, растаяла в темноте...
Больше я никогда ее не видел. На следующий день я не попал в цирк, а потом Таня уехала...
Пробежали годы. Все растаяло. Юность, как весенний сон, и тот далекий, на мираж похожий город. Воспоминанья давно уже подернулись прозрачной паутинкой ностальгии. И только изредка, когда я со своими детьми иду в цирк, я иногда ловлю себя на мысли, что мне все еще хочется встретить Таню. Я с волнением всматриваюсь в лица воздушных акробатов. Но под куполом цирка всегда другие, такие же прекрасные, сверкающие, и такие же беззащитные, как она тогда...